

Современница

Тридцать лет назад Галина Волчек приняла главное решение в своей жизни

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

21 июня 1972 года Галину Борисовну Волчек официально назначили главным режиссером театра «Современник». Этому событию предшествовала долгая борьба труппы с чиновниками всех мастей и рангов: кандидатура 38-летней выдвиженки «снизу» их категорически не устраивала. Беспартийная — раз, баба, то есть женщина, — два, и национальность у нее, пардон, подкачала — три. Два последних пункта пересмотру не подлежали, но основной дефект еще можно было исправить. «Галина, ты должна вступить в партию», — сказали ей проникновенно. Волчек отказалась.

Стихийной энергии соратников хватило, чтобы пробить непробиваемое. Коллегия, руководившая театром после ухода Ефремова (Табакон, Кваша, Толмачева и т.д.), сложила свои полномочия. С тех пор у «Современника» женское лицо.

Летающий белый дом на Чистопрудном бульваре от сезона к сезону все логичнее кажется называть Театром Галины Волчек. Вопрос, а есть ли вообще смысл в институте худруков и главрежеев, на ее примере решается однозначно и положительно. Волчек уникально, потрясающе талантлива — не только режиссерски, человечески. Она ставит душу. Она тратится, и не обязательно присутствовать на репетициях, чтобы оценить пугающий масштаб этих затрат. Она членораздельна, открыта и порядочна в наполнении каждой реплики, в каждом повороте круга. После всякой премьеры зал приветствует ее появление стоя, и другая мизансцена здесь неммыслима. Волчек редкий, вероятно, даже единственный режиссер Москвы, наработавший с годами не один лишь ветреный зрительский интерес, но еще и глубокое уважение. За ней не числится ни подлостей, ни пошлостей, как нет ни того, ни другого в ее спектаклях.

Волчек во всем определена и ни в чем не воинственна. Она ставит «Три сестры», спектакль про бездомный народ потерянного государства, и приглашает на премьеру разношерстную «элиту» — от Герасченко до Митковой с Парфеновым, от Янковского и Лаврова до Пугачевой с Киркоровым. Благоуханным и благоустроенным людям со сцены «Современника» три с лишним часа рассказывают, как это страшно, когда душа твоя — как распахнутый роуль. Всякий брэнчит на нем что вздумается, благо ключ потерян...

Волчек видна в каждом поставленном ею спектакле, как всегда талантливый человек светится в своих созданиях. Она притягивает — не только полным отсутствием вульгарности, не просто оттого, что сразу видно: не стерва, но прежде всего искренностью. Это редкий товар в театре, и ценится он на вес золота. Для «ГБ» (кличка не подходящая, однако прилепилась намертво), как ни для какого другого режиссера в Москве, принципиален вопрос доверия. Она отдает себя целиком. Примите и отдайте взамен себя либо откажитесь и забудьте дорогу в «Современник». Волчек и ее театр по отдельности не существуют. Нельзя любить одно и ровно дышать к другому.

Ее режиссерским дебютом были «Двое на качелях» Олби. 1961 год. Только-только появилась драматургия с новым (для нас, конечно) типом человеческих отношений, новыми героями. «Мы с Таней

ГЕНЕРАЦИЯ ХАМЕТЬНИН

Лавровой и Мишей Козаковым собираемся втроем в пустой комнате и репетируем. Наступает момент, когда первый акт готов. Необходимо срочно его кому-нибудь показать. Я выскакиваю из театра, из старого «Современника», на площадь Маяковского, зимой, без шапки, пальто внакидку и начинаю выскивать среди прохожих самое нетеатральное лицо. Через полчаса, когда я уже окончательно закончила, вижу, идет человек, с виду похожий на приезжего, в руке авоська с апельсинами. Я к нему: «Товарищ, извините, вы москвич?». Он говорит: «Нет», и шарахается от меня в сторону, потому что вообще не принято было заговаривать с людьми на улице, а тут еще какая-то подозрительная баба... Я за ним: «А вы откуда?». — «С Донбасса». — «В командировке?». — «Ну». — «В театре когда-нибудь были?». — «Никогда». — «Сорок минут у вас есть?». — «А зачем?». В общем, затаскала я его в театр, привела к ребятам, посадила на стул, авоську с апельсинами он поставил рядом, и мы показали ему первый акт. Потом начали задавать вопросы. Очень простые. Чтобы выяснить, понял он, в чем там дело, или нет. Видим — понял. «Спасибо, мы вас больше не задерживаем». Он поднялся со стула, взял свою авоську, посмотрел на нас растерянно и пошел к выходу. Но тут же вернулся: «Так вы скажите, что с ними дальше-то будет? Я ведь теперь думать стану...».

Волчек хорошая актриса. Но душа ее заключена только в режиссуре. Волчек мужественная женщина. Все свои спектакли, чем дальше, тем вернее, она ставит о себе. Разблачивается. Выворачивается наизнанку. И потому, что такая мужественная, становится ясно, насколько слабая — несмотря на уверенность, успешность и власть.

Именно ей принадлежит самый сильный и мучительный спектакль о любви последнего десятилетия — «Пигмалион». Если бы по современниковскому «Пигмалиону» 94-го года задумали сделать мюзикл, его следовало бы назвать «Моя несчастная леди». Из остроумной прохладной пьесы получилась горячая история про то, как мужчина наигрался женщиной. И ус-

тал. И отправился искать другие развлечения. Нет, конечно, он ее не бросил — ох, уж эти джентльмены с их формальными представлениями о порядочности. Просто вывесил на вратах собственной души табличку «Посторонним вход воспрещен». А женщина — не Буратино. Нельзя ее вырезать, изваять, пробудить и отпустить. Женщине не нужна воля. На этой страшной, ледяной воле она погибает. «Мне важно было показать, что любовь не бывает безмятежной, во всяком случае, для меня. Созидаясь, любовь разрушает», — говорит о своем «Пигмалионе» Волчек.

И неудобные, дискомфортные «Три товарища», определенные в программке как «Хроника городской жизни Германии 20–30-х годов XX столетия», с их социальной моралью и гражданским пафосом, в итоге все равно свелись к современной и космополитической мысли о том, что нет в жизни ничего важнее любви и нет ничего, равного любви, что так же легко и безжалостно разрушалось бы жизнью, — словно океан слизнул у побережья лишнюю пригоршню песка... Галина Волчек заслужила звание последнего романтика, и Готфрид Ленц не отказал бы ей в праве на преемственность.

— Вы себя считаете счастливой женщиной? Не человеком, а именно женщиной? Состоявшейся, реализованной?

— Просто как женщина — наверное, нет. Хотя задумываюсь: а чего ты врешь-то, были же моменты необычайного счастья... Но все-таки театр перемолол меня в своей мясорубке. И по-другому быть не могло. Случались моменты, когда центр тяжести моей жизни, так скажем, перемещался в личную сферу, и я уходила в роман, в любовь больше, чем это допустимо в моем положении. Но это длилось недолго...

Два мужа. Два развода. Муж не театралный сбегал из тени знаменитой жены. Театралный завел роман на стороне. «А это уже история не для меня. Я не умею быть второй. И даже первой не умею. Только единственной. Поэтому, наверное, я одна...».

Матриархат в театре — явление нечастое и вполне способное слу-

жить почвой для произрастания «богемных» пороков. С 72-го года про Волчек успели напелсти порядком. Не понимали, что главного мужчину ее судьбы зовут «Современник». «Человек должен строить свою модель жизни, соотносить с собственными обстоятельствами. Мое главное обстоятельство — театр».

Галина Волчек — из того редкого племени женщин, кто, совершенствуясь всю жизнь, в зрелом возрасте становится... Красавицей? Нет, больше, чем красавицей. Настоящей — до кончиков ногтей, великопелной, породистой гранддамой, отлитой, как пуля, — ни убавить, ни прибавить. Чего панически боится женщина недалеко — возраст, морщины, лишний вес, то женщина умная обращает себе на пользу. Нынешнему шикарному облику Волчек противопоставлены липоксация, золотые нити и прочие косметологические хитрости, да она бы рассмеялась в ответ на подобное предложение. Подтяжку может сделать каждая, были бы деньги, однако лишь единицы находят в жизни свой стиль. У Волчек он есть. Эффектная, деловая, всегда со вкусом одетая; умный серо-голубой взгляд за стеклами массивных очков, крупные, иногда неожиданные украшения — например, подарок Ларисы Рубальской, серебряный перстень с непрооросшей жемчужиной. Стиль — как ветер. Ему с готовностью флюгера подчиняются и черный лак, и сипатый бас профессиональной курьлицы, и смахивание пепла на пол, и привычка мять пальцами губы, зажевывая слова. Вроде так и должно быть.

«Меня в Америке однажды спросили: чем бы вы занимались, если бы не стали режиссером. Мне никто никогда такого вопроса не задавал, и я сама себе его не задавала. Бежала, бежала по жизни... А тут американцы со своим буквальным сознанием желают получить конкретный ответ. Я задумалась и в конце концов сказала: я бы, наверное, открыла какое-нибудь бюро по «деланию» женщин. Мне интересно разгадать внутреннюю сущность, что-то раскрутить, что-то, наоборот, пригасить, дать женщине почувствовать, в чем ее сила...»

Десять дней назад, в Кремле, Волчек получала президентскую премию. Вторую награду в своей жизни. Первая была в 68-м — за «Обыкновенную историю». И на протяжении долгой паузы — ни одного профессионального поощрения от коллег. У «Современника» по-прежнему нелегкая судьба. Его спектакли находятся в изоляции от московского театрального офиса. Они не попадают в число лауреатов и даже номинантов основных премий, в штучки принимаются большинством критиков, и за каждой премьерой «Современника» нынешнего почему-то прозревают такой камень за пазухой и такую фигу в кармане, какие чудились разве что советским культурным чиновникам на спектаклях «Современника» бывшего. Волчек, впрочем, особенно не переживает. Притерпелась. При всей своей внешней светскости женщина она не тусовочная. «В массовых сборищах никогда не участвую. Потому что болсно. Понимаешь, меня на протяжении тридцати лет били по голове. До этого, пока была никем и ничем, только гладили. А когда взяла театр — начали бить»...

Никем и ничем она не была никогда. И вчера, и сегодня, и завтра она — единственная. Единственная Галина Волчек.